

Научная статья
УДК 393.05
doi: 10.17223/2312461X/35/11

ПРОБЛЕМА «ПРАВИЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ СМЕРТИ» И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПОХОРОН В ГОРОДАХ РСФСР В КОНЦЕ 1930-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Анна Дмитриевна Соколова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, annadsokolova@gmail.com

Аннотация. Для советской власти похоронная культура и практики утилизации мертвых тел имели большое идеологическое значение. Принято считать, что период бурного утопического реформизма закончился с полным утверждением у власти Сталина и переходом к форсированной индустриализации. В то же время, если обратиться к материалам предвоенного и военного периода, мы увидим, что поиск новых похоронных форм и нормализация похоронного обслуживания все еще были крайне важны. На материале ревизий, проведенных Народным комиссариатом коммунального хозяйства РСФСР в Архангельске, Владивостоке, Владимире, Ижевске, Йошкар-Оле, Казани, Кирове, Куйбышеве, Москве, Мурманске, Новосибирске, Пензе, Сарапуле, Саратове, Свердловске, Уфе, Чебоксарах, Элисте и других городах, показано, что, несмотря на крайне неудовлетворительное состояние похоронного обслуживания населения, эта сфера оставалась областью пристального идеологического интереса. В то же время материальность огромного числа смертей военного периода, в том числе в тылу, заставляла власти оставить в стороне новые попытки реформирования похоронной сферы и сосредоточить усилия на функциональном улучшении ее инфраструктуры.

Ключевые слова: кладбище, похороны, РСФСР, коммунальное хозяйство, городские исследования

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2020-910).

Для цитирования: Соколова А.Д. Проблема «правильной советской смерти» и обеспечение гражданских похорон в городах РСФСР в конце 1930-х – начале 1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 195–211. doi: 10.17223/2312461X/35/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/35/11

The problem of “the wright way of Soviet death” and the organization of civil funerals in the cities of the RSFSR in the late 1930s – early 1950s

Anna D. Sokolova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, annadsokolova@gmail.com*

Abstract. Funeral culture and practices of dead bodies disposal were of great ideological significance for Soviet authorities. However, it is generally accepted that the period of stormy utopian reformism ended with the complete assertion of Stalin in power and the transition to forced industrialization. At the same time, if we address to the materials of the pre-war and war period, we will see that the search for new funeral forms and the normalization of funeral services were still extremely important. This article is based on audits conducted by the NKKH RSFSR in Arkhangelsk, Vladivostok, Vladimir, Izhevsk, Yoshkar-Ola, Kazan, Kirov, Kuibyshev, Moscow, Murmansk, Novosibirsk, Penza, Sarapul, Saratov, Sverdlovsk, Ufa, Cheboksary, Elista, etc. Despite the extremely unsatisfactory state of funeral services, this area remained an area of intense ideological interest. At the same time, the materiality of the huge number of wartime deaths forced the authorities to put aside new attempts to reform the funeral industry and to focus on the functional improvement of its infrastructure.

Keywords: cemetery, funeral, RSFSR, public utilities, urban research

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement No. 075-15-2020-910).

For citation: Sokolova, A.D. (2022) The problem of “the wright way of Soviet death” and the organization of civil funerals in the cities of the RSFSR in the late 1930s – early 1950s. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 195–211. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/35/11

Введение

Несмотря на свой маргинальный характер, похоронная культура и практики утилизации мертвых тел стали в послереволюционный период одной из важных областей реформаторских усилий новой власти. Исследователи, обращавшиеся к этому сюжету, использовали разные методологические рамки для анализа этой проблемы. Светлана Малышева говорит об этом с точки зрения производства социального порядка (Малышева 2019). Виктория Смолкин-Ротрок рассматривает это в перспективе анализа научного атеизма (Смолкин-Ротрок 2012). Кетрин Мерридейл связывает эти сюжеты со становлением особой культуры памяти (Merridale 2002). Кристофер Биннс обращается к проблеме кон-

струирования новых смертных практик в контексте проблемы нового человека (Binns 1979, 1980). Однако какую аналитическую рамку мы бы не предпочли, очевидно, что вопрос о «правильном погребении» имел большое идеологическое значение для советского проекта на всем его протяжении.

В своей известной работе «Культура два» Владимир Паперный утверждает, что на рубеже 1930-х гг. происходит переход эпохи необузданного утопизма к стадии «отвердевания» культуры, который он охарактеризовал как переход от «Культуры 1» к «Культуре 2» (Паперный 1996). Этот переход, помимо прочего, сопровождался не всегда очевидными, но существенными изменениями в интерпретации смерти и политике обращения со смертью – факторов, формирующих смертную культуру общества. В своем анализе Паперный обращается и непосредственно к теме смертных практик, вписывая их в общий контекст трансформаций. Он отмечает, что «Крематорий и сжигание – любимые темы Культуры 1», при этом «крематорий <...> постоянно противопоставляется кладбищу. Слово “кладбище” – употребляется с негативным значением» (43). Паперный отмечает также, что для этого периода характерно стремление радикальным образом оборвать свою связь с прошлым (43). В то же время «Культуре 2 пафос сжигания не просто чужд, но враждебен» (56), она «затвердевает» и все больше и больше обращается к прошлому, которое и становится основным объектом ее творчества (59). Однако, хотя сам факт отхода от радикальных идей в области похоронного администрирования несомненен, остается вопрос о том, насколько резким был этот отход и какую роль в нем сыграла материальность человеческой смерти?

Принято считать, что период решительных экспериментов по перестройке общества и продуктивная рефлексия по поводу новых форм быта и создания нового человека закончились в конце 1930-х гг. с утверждением у власти Сталина и переходом к форсированной индустриализации. В то же время, если обратиться к материалам предвоенного и военного периода, промышленное развитие и риторика войны и победы явно доминировали над созданием новых обрядовых и культурных форм, мы увидим, что несмотря ни на что проблема новой концептуализации смерти и поиск новых форм утилизации мертвых тел все еще были крайне важны. Таким образом, если следовать концепции Анны Крыловой о стадийном развитии советской модерности (Krylova 2014), мы видим, что хотя на метауровне советский проект очевидно входит в новую фазу развития, тем не менее в проблемном поле, связанном со смертью и умиранием, очевидно прослеживается преемственность с более ранней дискуссией, в основе которой было не утилитарное промышленное развитие, а утопическое реформирование всех сфер жизни нового общества.

В фокусе внимания в данной статье будет состояние похоронного дела в СССР в предвоенный, военный и послевоенный период, рассмотренное на материалах проекта СНК 1937 г. о реформе похоронной отрасли, а также ревизий, проведенных Народным комиссариатом коммунального хозяйства (НККХ) в различных городах РСФСР, в том числе Архангельске, Владивостоке, Владимире, Ижевске, Йошкар-Оле, Казани, Кирове, Куйбышеве, Москве, Мурманске, Новосибирске, Пензе, Саранске, Саратове, Свердловске, Уфе, Чебоксарах, Элисте и др.

Опираясь на эти источники, я покажу, что процесс «отвердевания культуры», как его обозначил Паперный, не был единовременным, и в определенный период утопические конструкты в регулировании похоронной сферы соседствовали с предельным утилитаризмом. Я утверждаю, что проблема смерти и поиска новых форм утилизации мертвых тел не была отброшена после окончания периода бурного утопического творчества ранних 1920-х гг., но сохраняла свою актуальность и в позднейшие периоды, в том числе во время войны, когда, казалось бы, все силы были брошены на борьбу с врагом. В то же время я покажу, что в процессе переосмысления смертных практик и отхода от утопических проектов первостепенную роль играл не идеологический императив, а утилитарный, связанный с материальным измерением смерти.

Проект «Постановления СНК СССР о погребении» и отход от утопической риторики в вопросе похорон

Первое десятилетие советской власти было связано с многочисленными реформами, в том числе и в области похоронного дела. Важнейшим направлением этих реформ стал отход от конфессионального контроля над погребением и включение похорон в набор социальных благ, предоставляемых государством по умолчанию всем трудящимся наряду с другими социальными гарантиями, такими как образование, медицина, жилье и трудоустройство (Sokolova 2019; Соколова 2019). Другой важнейший аспект – кампания по легализации и популяризации кремации, результатом которой стало строительство Донского крематория в Москве (Соколова 2020а, 2020б). В восприятии советских идеологов кремация как новая практика погребения могла в недалеком будущем полностью избавить советские города от кладбищ как нефункциональных пространств, освободив территории для новых парков, скверов и других более полезных объектов (Соколова 2018). Политика государственного атеизма подталкивает коммунистов к поиску новых обрядовых форм, свободных от религиозных обрядов. Активными проводниками новой, красной обрядности становятся такие значимые фигуры, как Лев Троцкий (Соколова 2013). Хотя эти проекты могут показаться второстепенными по сравнению с другими инициативами большеви-

ков, мы видим, что эта сфера была одной из тех, на которую тратились значительные ресурсы даже в наиболее кризисные периоды. Так, в 1918–1922 гг., когда по всей стране бушевал острый продовольственный, товарный и топливный дефицит, в разгаре была интервенция и Гражданская война, даже тогда в самых разных городах молодого государства не прекращались попытки строительства крематориев и популяризации этого нового вида погребения. Впрочем, данные проекты были в значительной степени утопическими, а стремление к равному для всех погребению или строительству крематория в разгар топливного кризиса 1918 г. нередко плохо согласовывалось с реальными возможностями государства и потребностями граждан, порождая многочисленные анекдоты и слухи (Маллори 1927; Мельниченко 2014: 476). Однако, постепенно начиная с конца 1920-х гг., утопические проекты реформирования похоронной сферы стали все менее и менее заметны в публичном поле, хотя и не перестали быть объектом заботы и идеологических разработок для работников различных Наркоматов.

Общий консервативный поворот затрагивает и практики обращения с мертвыми телами, оставляя в стороне разнообразные проекты реформ и поиски новых обрядовых форм. В целом к началу 1930-х гг. похоронная проблематика практически исчезает из публичного поля. Однако в 1937 г. НККХ подготовил проект «Постановления СНК СССР о погребении», который по-новому очерчивал видение похоронной культуры в социалистическом обществе. Авторы проекта вновь возвращались к, казалось бы, забытому вопросу о том, какими должны быть моральные практики в Советском государстве.

По всей видимости, этот проект был призван переосмыслить практики обращения с мертвыми телами и похоронную культуру в целом в русле новых положений, выдвинутых «Сталинской конституцией» 1936 г. Как отмечает Добренко, *«Сталинизм вводил новую темпоральность: Завершенное Будущее <...>. Заново отстроенное прошлое оказывается идеалом, моделью будущего (либо в прямой проекции, либо “от обратного”). Ту же роль, которую в революционной культуре играет будущее, в сталинской культуре играет прошлое»* (Добренко 2008: 18). Манифестом этого завершенного будущего становится новая «Сталинская конституция», принятая в 1936 г. Новая конституция декларировала, что социализм в СССР в целом построен, а значит утопия революции 1917 г. в общих чертах стала реальностью. Основой этой новой реальности стало новое бесклассовое советское общество, в котором нет эксплуатации и частной собственности и в котором все граждане, в меру сил вносящие свой трудовой вклад в общее дело, имеют равное право на труд и отдых, а также определенный набор социальных гарантий, таких как образование, медицинское обслуживание, материальное обеспечение в старости и в случае болезни и др.

В контексте новой темпоральности, коррекции и пересобирания советской идеологии менялась и политика обращения со смертью. Окончание эпохи борьбы и строительства социализма «в отдельно взятой стране» означало, по крайней мере на уровне риторики, неизбежное возвращение к вопросу о социальном государстве как основе «социалистического» общества в противовес «капиталистическому» (Kotkin 1997: 20, 23, 227).

Хотя проект «Постановления СНК СССР о погребении» так и не был реализован, он представляет большой интерес, поскольку отражает те экзистенциальные основания, которые лежали в основе сложной двухуровневой системы похорон, сложившейся в СССР. Как отмечают исследователи, характерной чертой этой системы были пышные торжественные похороны руководителей государства, сочетавшиеся с полным пренебрежением к похоронам рядовых граждан, обеспечение которых полностью зависело от близких покойного (Malysheva 2017).

Проект был направлен на осмысление и легитимацию сложившегося двойного принципа советских похорон. Особые *«торжественные похоронные процессии выдающихся деятелей, как имеющие общественное или политическое значение»*¹ имеют, согласно этому тексту, определенные преимущества по отношению к похоронам рядовых граждан. Такого рода процессии могут, с разрешения местных советов, присутствовать в публичном пространстве советских городов. В то же время проект объявлял нежелательным присутствие в публичном пространстве «неторжественных» обычных похорон.

Таким образом, проект фактически воспроизводил основной тезис Фридриха Энгельса об экзистенциальном смысле смерти и мортальных практик, изложенный в его «Диалектике природы». Энгельс писал, что *«смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека»* (Энгельс 1961: 610–611). Таким образом, похоронные процессии советских людей, не оставивших, по выражению Энгельса, после себя «некий жизненный принцип», согласно проекту Постановления, должны быть вытеснены из публичной сферы. Согласно проекту, «бесмысленные» процессии, *«нарушающие правильность уличного движения и производящие тяжелое впечатление на прохожих и в особенности на жителей магистралей, ведущих к кладбищам, в городах (от 50 000 чел. и больше) должны быть изжиты и уступить место следующему порядку: умершего перевозят в темное время дня в имеющиеся при кладбищах и крематориях специальные помещения для временного хранения умерших, где по желанию родных или учреждений*

разрешается в установленные часы производить обряды и ритуалы прощания с умершим» (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 4–5). Таким образом, похороны простого человека как непонятные, смущающие умы, не вписывающиеся в реалии нового социалистического города, должны быть элиминированы из общественных пространств, в буквальном смысле вытеснены в пространство невидимого. То же самое относится и к ритуалу прощания. Язык проекта здесь тоже предельно откровенен: при обычных, не «особо торжественных» погребениях *«ритуал прощания с умершим при открытом гробе, как увеличивающий и обостряющий остроту переживаний следует, как правило, избегать»* (Л. 5).

Хотя предписание проекта о том, чтобы рядовые похороны проводились как можно менее заметно, может вызвать удивление и даже недоумение, однако, по-видимому, эти идеи находили определенный отклик. Так, например, Михаил Пришвин в дневниковой записи от 24 июля 1935 г. описывает то, какими бы он хотел видеть свои похороны, совмещающая в них элементы торжественных похорон (оповещение, музыка), положенных известному советскому писателю, с идеей незаметности похоронного ритуала для окружающих: *«Я бы так себе устроил похороны. Кроме нескольких самых близких людей доступ к покойнику воспрещается. Перевезти на кладбище секретно в закрытой машине. Напечатать в газете о времени похорон. На каком-нибудь высоком месте, чтобы всем в городе было слышно, поместить музыку или хор (в Москве включить все радио). Или даже просто на площади. На закате солнца оркестр или хор, и при последнем аккорде на кладбище тело опустят в могилу: никто этого видеть не будет. Самые похороны и все дело с трупом поручить только тем близким, у кого нет даже брезгливости к трупу. И они так же стыдливо оберегают тело от постороннего взгляда, как супруги зачатие»* (Пришвин 2009: 754).

Проект фиксировал результаты серьезного переосмысления места кладбищ в послереволюционный период, а также намечал направление, в котором они должны развиваться. Отбросив все пережитки прошлого, кладбища должны были стать не местами памяти об умерших, а очагами культуры в новых советских городах: *«Кладбища, из бывших источников мистики, суеверия, вековых предрассудков, неисчерпаемых доходов для духовенства (поговорка: “Церковь живет мертвецами”), а также из выгодного эксплуататорским классам рассадника жадности, должны превратиться в культурные уголки города, отвечающие специфике своего назначения и служащие для удовлетворения эстетических потребностей и развития культурных вкусов населения. <...> Подчиняя единой системе планировки и растительные группировки, необходимо функционирующие кладбища превратить, в зависимости от существующей обстановки, в единый массив или в садовопарковую площадь прогулочного назначения»* (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 9).

Кладбища должны не напоминать нам о прошлом, а быть свидетельством состоявшегося будущего. Они должны создавать тот образ, который спустя время станет прошлым: *«Кроме того, принимая во внимание, что кладбища служат некоторым документом исторического порядка, характеризующим данную эпоху, следует сугубо обратить внимание на дело оформления могил (памятники, ограды, декоративно-цветочное убранство и проч.), внести новые формы, материалы, символику, отвечающие духу времени и отображающие его героизм»* (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 9).

Требования к модернизации кладбищенского пространства и практик также ничего не говорят ни о рядовых умерших, ни о пространствах памяти. Единственные захоронения, которым уделяет внимание проект – это *«погребения выдающихся лиц (героев, общественных деятелей науки, искусств, стахановцев, и т.д.)»*. Эти особые категории советских граждан сохраняют свои привилегии и после смерти. Для их похорон должны быть разбиты «специальные почетные участки и аллеи», которые должны формировать собой единый художественный комплекс (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 10). Таким образом, для авторов проекта похоронная культура конца 1930-х гг. – это в первую очередь торжественные похороны «выдающихся лиц».

В то же время в тексте проекта явно заметен сдвиг в сторону значительного внимания к сугубо практическим вопросам погребения усопших. Авторы проекта, очевидно, стремятся наряду с формулировкой идеологических рамок, о которых речь шла выше, к созданию эффективно работающей системы погребения умерших, в том числе тех, чьи похороны *«нарушают правильность уличного движения и производят тяжелое впечатление на прохожих»*.

Проект предписывал серьезное улучшение похоронной инфраструктуры *«в целях... упорядочения всего дела погребения и поднятия его на должную культурную высоту»*. В центре предложенных проектом мер оказывается производство похоронных принадлежностей, которое выделяется в отдельную производственную отрасль: *«НККом.Хоз. РСФСР предлагается создать, с правом снабжения потребностей всего Союза, ОБРАЗЦОВУЮ МЕХАНИЗИРОВАННУЮ ФАБРИКУ специально по производству всех аксессуаров похоронно-погребального быта, включая скульптурно-художественный цех по созданию художественных надгробий, урн и т.п. Совместно с архитектурными институтами разработать богатый и многообразный по материалам, по формам, по замыслу, по символике ассортимент всевозможных оформлений могил, (начиная с самых дешевых) и отвечающих духу нашей эпохи. <...> изучить вопрос о возможном введении механизации в дело погребения (например облегчение переноски гробов вручную, перевозки гробов на территории кл-щ на соответствующих легкопере-*

двигаемых каретках или автокарах, опускание гроба в могилу и пр. <...> включить в программу 1938 г. изготовление для всего Союза 200 похоронных автобусов» (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468. Л. 7–8).

Таким образом, на примере проекта Постановления проясняется скрытая механика консервативного переворота как комплексного процесса, в ходе которого более ранние утопические формы управления и трансформации похоронной культурой соседствуют с новыми, в основе которых лежит утилитарный подход и стремление к консервативному регулированию похорон как отрасли коммунального хозяйства в рамках тех инструментов, которые давала система плановой экономики и советского управления. Проект демонстрирует, что на смену многолетнему опыту вытеснения похоронных услуг из архитектуры муниципального управления, которым отмечено предыдущее десятилетие, постепенно приходит новая повестка по *нормализации* и деидеологизации работы этой сферы.

Проект Постановления отражал важные тенденции, доминировавшие в конце 1930-х гг. Так, уже в 1938 г. в полном согласии с проектом, учреждения похоронного обслуживания – кладбища, бюро, мастерские и т.д. – выделяются в самостоятельные городские тресты похоронного обслуживания населения. Согласно Постановлению Президиума Московского Совета РК и КД, 4 марта 1938 г. все похоронное дело в городе Москве было объединено в один городской трест похоронного обслуживания, в состав которого вошли Центральное похоронное бюро, межрайонные похоронные бюро города Москвы, все городские кладбища и крематорий (ГУП «Ритуал»...). В Казани единый городской Трест похоронного обслуживания был создан 1 сентября 1938 г. (Мы – «паромщики»...), в Уфе – 7 мая 1943 г. (Ритуальное агентство МУ КСО), в Самаре – в 1945 г. (Информация о МП ГО Спецкомбинат...). Аналогичные процессы происходили и в других городах. Фактически это означало выделение похоронного дела в отдельную, отчасти самостоятельную, отрасль советского коммунального хозяйства.

Однако формирование централизованных трестов похоронного обслуживания не снимало проблему разрыва между похоронами обывателей и советской номенклатуры, сформированную утопическими тенденциями предыдущего периода. Как будет показано ниже, тенденция к избеганию обыкновенной смерти привела к полному запустению кладбищ. В ухоженном виде фактически поддерживались лишь захоронения значимых деятелей советской власти различного уровня. В то же время сложившиеся формы практик захоронения рядовых советских граждан не вполне удовлетворяли советские власти. Хотя сложившаяся практика не выделяла и не акцентировала похороны рядовых граждан, никак нельзя сказать, что она не *«производила тяжелое впечатление»* на горожан.

Ревизии Наркомата коммунального хозяйства военного периода и переход к утилитарному взгляду на похоронное дело

Несмотря на создание в 1938 г. объединенных трестов похоронного обслуживания, в целом 1930-е гг. не отмечены большим интересом коммунальных властей к проблеме погребения и состояния кладбищ. Однако в апреле 1942 г. в самый разгар Великой Отечественной войны этот вопрос неожиданно вновь становится актуальным.

Согласно приказам СНК РСФСР № 29 от 23.01.1942 и № 419 от 11.04.1942 г., похоронное хозяйство городов РСФСР должно было быть подвергнуто обширной ревизии. По имевшимся у СНК сведениям, «органы коммунального хозяйства совершенно неудовлетворительно руководят работой похоронных бюро в населенных пунктах РСФСР. СНК обязал Наркомхоз и Наркомздрав принять срочные меры по улучшению работы похоронных бюро и в двухнедельный срок информировать СНК» о результатах (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563. Л. 1). Исполнение данного приказа потребовало обширных ревизий в нескольких десятках городов РСФСР, которые должны были выявить основные проблемы и предложить пути их решения. Проведенные ревизии показали, что похороны рядовых жителей, в отличие от представителей номенклатуры, фактически никак не обеспечиваются государством.

Таким образом, удаление рядовых похорон из видимого публичного пространства, которое в рекомендательной форме присутствовало в проекте Постановления 1937 г, фактически стало реальностью. Большинство городов и городских исполнительных властей и организаций коммунального хозяйства РСФСР живут так, как будто рядовые похороны вообще не являются фактом городской повседневности. По крайней мере они не имеют никаких инструментов для организации похорон такого типа. Приказ НККХ РСФСР № 385 от 21 июля 1942 г. демонстрирует полнейшее бессилие коммунальных властей на местах в вопросе организации похоронного дела:

В некоторых городах нет специальных организаций, ведающих похоронным делом (города Чувашской, Калмыцкой АССР; Свердловской области), большинство городов не имеет мастерских по изготовлению гробов и похоронных принадлежностей.

В ряде городов не имеется специального транспорта для перевозки тел умерших (Владивосток, Чебоксары, Архангельск, Йошкар-Ола).

Кладбищенское хозяйство запущено и много кладбищ неблагоустроено.

Вследствие неудовлетворительного состояния похоронного дела тела умерших, в отдельных случаях, находились в квартирах свыше установленного срока.

Отмеченные факты показывают, что Наркомхоз [Калмыцкой. – А.С.] АССР, заведующие отделами Облкрайкомхозами и Горкомхозами считают похоронное обслуживание второстепенным делом, недооценивают его политического и санитарного значения и не уделяют внимания этому важнейшему участку работы коммунального хозяйства (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563. Л. 6).

Год спустя, в марте 1943 г., история повторилась. Очередное постановление СНК РСФСР фиксировало «недопустимые факты в деле захоронения покойников»: «В городах Пензе, Кирове, Саратове, Новосибирске, Сарепуле действующие кладбища не охраняются и запущены. В ряде случаев применяется недопустимая практика захоронения в существующих могилах. Имеет место задержка захоронения умерших из-за отсутствия гробов, средств перевозки и рабочей силы для рытья могил (гг. Ижевск, Саратов, Владимир, Архангельск)» (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1716. Л. 11–12).

В целом из ревизий создается ощущение, что никто из сотрудников похоронных трестов и не рассчитывает, что к ним кто-то будет обращаться за помощью в организации похорон. Именно так, например, выглядит ситуация в Кирове в 1944 г.:

Похоронное Бюро магазинов по продаже гробов и похоронных принадлежностей не имеет. Прием заказов на изготовление гробов производится конторой Похоронного Бюро, а отпуск их мастерской по изготовлению гробов, находящейся на расстоянии в 3-х километров от Конторы. Вывески об изготовлении гробов не имеет входная дверь отсутствует заказчики проходят в мастерскую через окно. Помещение не оборудовано и завалено хламом. На день проверки 20 сентября мастерская готовых гробов не имела. С 1 января по 1 сентября 1944 года мастерской изготовлено 126 гробов, а могил выкопано работниками кладбища за этот же период 1145, сопоставляя эти цифры запрос населения удовлетворен лишь на 9%. Качество изготавливаемых гробов низкое, поверхностная отделка отсутствует (обивка, окраска), не производится, технических условий мастерская не имеет. <...> Транспортные средства похоронному бюро не выделены и перевозка умерших на кладбище не производится (ГАРФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20–20 об.).

В тех же случаях, когда работники похоронных трестов все же выполняют свои обязанности, они относятся к ним как к дару или высшему благодаянию, которое требует дополнительного вознаграждения:

Имеются случаи незаконного взятия денег с заказчика за услуги мастерской и кладбища. Так мастером Иглиным И.Г. за изготовление гроба 23 сентября 1944 года с гражданки Филимоновой А.С. <...> была потребована дополнительная оплата за ускорение срока изготовления гроба поллитра водки. Копорем могил Мамаево А.А. 19.9 также была потребована дополнительная оплата с гражданки Бавицкой А.Ф. в сумме 50 рублей за рытье могилы, гражданкой Шуляковой Е.М. <...> 10 апреля 1944 года при захоронении умершего родственника в общей могиле уплачено сторожу кладбища 100 рублей. Также имеются случаи отказа в рытье могил <...> мотивируя это отсутствием готовых могил и выходным днем рабочих (ГАРФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20–20 об.).

Ревизии конца 1940-х и 1950-х гг. свидетельствуют о том, что проблемы похоронного хозяйства по-прежнему не находили своего решения. В то же время поиск решения больше не лежал в плоскости идеологии и утопических экспериментов, а предполагал сугубо утилитарный подход. Штаты кладбищ не укомплектованы, могильщиками (под-

час единственными) работают женщины (ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1226. Л. 20, 21), качество продукции предприятий трестов, в первую очередь гробов, из рук вон плохое (Л. 11), работники кладбищ навязывают родственникам ненужные услуги (*«Контора кладбища взывает с родственников плату за подноску гроба к могиле, хотя в реальности родственники такой услугой в большинстве случаев не пользуются»*) (Л. 1–19), предприятия городских трестов похоронного обслуживания не в состоянии обеспечить более половины спроса на гробы и другие похоронные принадлежности (ГА РФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222. Л. 5–6). Хотя непосредственным источником данной проблемы, по всей видимости, является потеря сотрудников в результате военной мобилизации, эту проблему не удавалось решить еще долгие годы после окончания войны. Несмотря на недоукомплектованность штатов, рабочие трестов систематически используют рабочее время для решения личных проблем. Так, работники Уфимского треста похоронного обслуживания в рабочие часы занимаются личными делами на своих огородах и уходом за скотом (Л. 41).

Таким образом, городские и муниципальные власти, согласно данным ревизий, полностью игнорируют вопрос о захоронении рядовых умерших. Для этого нет ни работающей инфраструктуры, ни сотрудников.

Однако избегание смерти обернулось проблемами и для статусных похорон локального масштаба. Те, кто желает похоронить своих близких торжественно, «по-советски», оказываются в наиболее уязвимом положении. Если организовать традиционные похороны можно было силами близких и родственников, используя установленную систему связей, то для советских похорон была необходима материальная база, создать которую тресты были не в состоянии. Так, гр-н Парфенов П.Н. 25 июля 1947 г., жалуясь на плохое обслуживание трестом похоронного обслуживания в Уфе, в объяснении пишет, что похороны по-советски для него оказываются фактически недоступны:

18-го сентября 1946 года у меня умер сын Борис. Я желал похоронить его с оркестром, отвезти гроб на кладбище на автомашине, сделать венок и другие необходимые почести для дорогого сына, однако в городе такой организации я не нашел. Уфимский похоронный Трест этими вопросами не занимается. Гроб и крест в Тресте взять я отказался, так как они были плохого качества. Поэтому за похоронным обслуживанием я обратился к частным лицам и заплатил им большие деньги. До сего времени я не могу сделать загородку для могилы. Деревянную сделать нельзя. Кладбище не огорожено ее быстро расташут. За металлическую ограду частные лица просят 1 600 рублей и делают ее плохого качества. Сейчас у меня умер племянник, хочу захоронить его с оркестром пойду искать по городу частных лиц (ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222. Л. 40).

Материалы ревизий, охвативших десятки городов РСФСР и проводившихся на протяжении 10 лет, свидетельствуют о том, что уже к началу 1940-х гг. сдвиг в отношении к погребальным практикам, наметившийся в проекте Постановления 1937 г., произошел окончательно. Утопические конструкторы, требовавшие изъятия смертных практик из публичного пространства и поиска новых погребальных форм, стали окончательно неактуальны. В фокусе ревизионных отчетов – исключительно утилитарные вопросы организации погребения умерших, описание конкретных проблем и поиск возможных путей для их решения в рамках уже сложившейся похоронной практики, которая сама по себе не предполагает радикального пересмотра. По сравнению с 1937 г. фокус внимания очевидно смещается с чистой идеологии на практические запросы рядового человека и его потребности.

Возможно, окончательный отход от утопического видения практик обращения с мертвыми телами был связан с глобальной сменой актуальной политической повестки, произошедшей после начала Великой Отечественной войны. Действительно, обращение к проблеме гражданских похорон на городских кладбищах, расположенных в тылу, именно весной 1942 г. вызывает удивление. Казалось бы, в течение долгого времени удручающее состояние похоронного дела в стране не слишком беспокоило власти, но в тот момент, когда наступление немецких войск еще не остановлено, за год до переломного момента, связанного с победой в Сталинградской битве, тогда, когда идут битвы под Москвой и Ржевом, Наркомат коммунального хозяйства начинает обширную операцию по изучению состояния похоронного дела и налаживанию системы похоронного обслуживания в стране. Отметим, что в данном случае речь не идет о военных потерях или умерших в госпиталях, а о мирном населении, о рядовых смертях жителей тыловых городов. Сложно сказать, насколько обращение к проблеме похоронного обслуживания в момент наибольшей мобилизации и напряжения было сопряжено с большим количеством жертв и смертей или с опасением того, что чудовищный рост смертей в результате военных действий и возможных эпидемий может спровоцировать похоронный кризис. Интересным также представляется тот факт, что некоторые регионы, которые входили в ревизию, несколько недель спустя были оккупированы немецкими войсками, например Калмыкия.

В то же время попытки нормализации похоронного обслуживания не были оторваны от других процессов. Так, во второй половине 1943 г. проводятся активные работы по благоустройству городов РСФСР (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1519), во многих городах тыла ведется активное жилищное строительство (Рапохин 2011; Тряхов 2014; Шевляков, Черемных 2015; Волкова, Волков 2020). Хотя все эти проекты от-

носятся к самым разным сферам, все они свидетельствуют о значимости знаний о реальном состоянии жизни и поиске путей к улучшению повседневности в городах тыла. В этом смысле попытка собрать данные о состоянии похоронного дела в городах РСФСР и найти пути его улучшения находится в одном ряду с другими попытками нормализации повседневности. Все инициативы подобного рода были связаны с огромными людскими перемещениями и необходимостью размещения мигрантов в тылу, а также минимально возможной в военных условиях организацией их быта.

Все эти случаи говорят нам о том, что материальность сложных социальных процессов военного периода заставляла власти обращать прицельное внимание на решение бытовых проблем, прибегая при этом не к идеологическим конструктам и поиску новых форм, а к улучшению тех структур, которые были сформированы в более ранние периоды. В этом смысле показателен процесс захоронения и перезахоронения останков солдат, погибших в период Великой Отечественной войны. Как отмечает в своем исследовании Роберт Дейл, невозможность оперативного надлежащего захоронения погибших солдат не была обусловлена стремлением позднесталинского государства подавить память о погибших и их героизме. «В условиях послевоенного восстановления огромные материально-технические проблемы обеспечения надлежащего захоронения всех советских воинов оказались далеко за пределами возможностей государства» (Dale 2021). Материальность огромного числа мертвых тел, рассредоточенных на значительной территории, заставляла сосредоточить все силы не на создании новых мемориальных локусов и практик, а на восстановлении в первую очередь нормальной повседневности тех, кто остался в живых.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в период между 1937 и 1943 гг. происходит окончательный отказ от утопической риторики в области практик обращения с мертвыми телами и похоронной культуры. В то же время мы видим, что это была не одномоментная смена курса, а длительный процесс, в начале которого утопическая риторика сосуществовала с новой – утилитарной. Фактически утопическая риторика и идеи реформирования похоронной сферы оказываются невостребованными, поскольку новый двухсоставной дизайн советских похорон – статусных и рядовых – был уже фактически сформирован. Материальность огромного числа смертей военного периода, в том числе в тылу, заставляла улучшать лишь инфраструктуру похоронного дела, ее материальную составляющую, но не переосмысливать ее структуру, как это неоднократно происходило раньше.

Примечания

¹ Здесь и далее при цитировании источников оригинальная орфография и пунктуация сохранены.

Список источников

- Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю. Бытовые проблемы жителей тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГУ. 2020. № 2. С. 97–103. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 339. Оп. 1. Д. 1226.
- ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 563.
- ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1519.
- ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 1716.
- ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4468.
- ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 4. Д. 222.
- ГУП «Ритуал» отметило 75-летие // ГУП Ритуал. URL: mos-ritual.ru. Добренко Е.А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Информация о МП ГО Спецкомбинат ритуальных услуг Самара. Дзержинского, 27 // Спецкомбинат ритуальных услуг. URL: <https://спецкомбинат-самара.рф/about/>.
- Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50. 11 декабря. С. 16. Малышева С. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М.: Новый хронограф, 2019.
- Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- «Мы – “паромщики” – облегчаем процесс расставания с близкими» // БИЗНЕС Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/340136>.
- Паперный В. Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. СПб.: Росток, 2009.
- Рапохин К.И. Города Челябинской области в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 9. С. 68–73.
- Ритуальное агентство МУ КСО | Уфа, Частная организация – Ритуальные услуги // МУ КСО. URL: <https://ritualorg.ru/funeral/160-mu-kso.html>.
- Смолкин-Ротрок В. Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 430–462.
- Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 191–209.
- Соколова А.Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1 (117). С. 74–94.
- Соколова А.Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 594–621.
- Соколова А.Д. Крематориум-Храм, или Кремация в советском похоронном обряде 1920-х годов // Вестник антропологии. 2020а. № 1 (49). С. 209–224.
- Соколова А. «Вместо сжирания червями трупы людей в крематориях будем жечь»: кремация как технология чистоты в раннесоветском дискурсе // Новое литературное обозрение. 2020б. № 3 (163). С. 79–95.
- Спецкомбинат ритуальных услуг. URL: <https://спецкомбинат-самара.рф/about/>.
- Тряхов И.С. Бытовое обслуживание населения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. С. 90–99.
- Шевляков А.С., Черемных О.А. Повседневная жизнь горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: жилищно-бытовой аспект // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 7–21.
- Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20.

- Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I // *Man* (New series). 1979. № 14. P. 585–606.
- Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II // *Man* (New series). 1980. № 15. P. 170–187.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Krylova A. Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament // *Contemporary European History*. 2014. № 23. P. 167–192.
- Malysheva S. The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76, № 3. P. 647–654.
- Merridale C. *Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia*. N.Y.; L.: Penguin Books, 2002.
- Dale R. Remobilizing the Dead: Wartime and Postwar Soviet Burial Practices and the Construction of the Memory of the Great Patriotic War // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2021. Vol. 22, № 1. P. 41–73.
- Sokolova A. Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare, and Back // *Revolutionary Russia*. 2019. Vol. 32 (2). P. 251–271.

References

- Binns C. (1979) The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I, *Man* (New series), no. 14, pp. 585–606.
- Binns C. (1980) The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II, *Man* (New series), no. 15, pp. 170–187.
- Dale R. (2021) Remobilizing the Dead: Wartime and Postwar Soviet Burial Practices and the Construction of the Memory of the Great Patriotic War, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 22, no. 1, pp. 41–73.
- Dobrenko E.A. (2008) *Muzei revoliutsii: sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrative* [Museum of the Revolution: Soviet cinema and Stalin's historical narrative]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Engels F. (1961) *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia: v 30 t.* 2-e izd. [Collected works in 30 volumes. 2nd edition]. Moscow: Gospolitizdat, vol. 20.
- Kotkin S. (1997) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Krylova A. (2014) Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament, *Contemporary European History*, no. 23, pp. 167–192.
- Malysheva S. (2017) The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death, *Slavic Review*, Vol. 76, no. 3, pp. 647–654.
- Malysheva S. (2019) «Na miru krasna»: instrumentalizatsiia smerti v Sovetskoii Rossii [“Company in distress makes trouble less”: instrumentalization of death in Soviet Russia]. Moscow: Novyi khronograf.
- Melnichenko M. (2014) *Sovetskii anekdot (Ukazatel' siazhetov)* [Soviet anecdote (Index of Subjects)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Merridale C. (2002) *Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia*. New York and London: Penguin Books.
- Paperny V. (1996) *Kul'tura dva* [Culture ‘Two’]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rapokhin K.I. (2011) Goroda Cheliabinskoi oblasti v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gody) [Cities of the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War (1941–1945)], *Vestnik ChelGU*, no. 9, pp. 68–73.
- Shevliakov A.S., Cheremnykh O.A. (2015) Povsednevnaia zhizn' gorozhan Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: zhilishchno-bytovoi aspekt [Everyday life of people in Western Siberia during the Great Patriotic war: on housing and household], *Biblioteka zhurnala “Rusin”*, no. 2, pp. 7–21.

- Smolkin-Rotrok V. (2012) Problema «Obyknovennoi» sovetskoi smerti: material'noe i dukhovnoe v ateisticheskoi kosmologii ['Ordinary' death in the Soviet Union: the material and spiritual in atheist cosmology], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3-4 (30), pp. 430–462.
- Sokolova A.D. (2013) «Nel'zia, nel'zia novykh liudei khoronit' po-staromu!» Evoliutsiia pokhoronnogo obriada v Sovetskoi Rossii ["New people should not be buried in the old way!"] The evolution of the funeral rite in Soviet Russia], *Otechestvennye zapiski*, no. 5 (56), pp. 191–209.
- Sokolova A.D. (2018) Novyi mir i staraia smert': sud'ba kladbishch v sovetskikh gorodakh 1920–1930-kh godov [New world and the old death: the history of cemeteries in Soviet cities in the 1920s–1930s], *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 1(117), pp. 74–94.
- Sokolova A. (2019) Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare, and Back, *Revolutionary Russia*, Vol. 32(2), pp. 251–271.
- Sokolova A.D. (2019) V bor'be za ravnoe pogrebenie: pokhoronnoe administrirovanie v rannem SSSR [Struggling for equal burial: funeral administration in early Soviet Union], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 37, no. 1-2, pp. 594–621.
- Sokolova A.D. (2020a) Krematorium-Khram, ili krematsiia v sovetskom pokhoronnom obriade 1920-kh godov [Crematorium-Church, or cremation in the soviet burial ritual in 1920-s], *Vestnik antropologii*, no. 1(49), pp. 209–224.
- Sokolova A. (2020b) «Vместо szhiraniia cherviami trupy liudei v krematoriiakh budem zhech'»: krematsiia kak tekhnologiia chistoty v rannesovetskom disкурсе ["Instead of being eaten by worms, we will burn the corpses of people in crematoriums": cremation as a technology of purity in early soviet discourse], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (163), pp. 79–95.
- Triakhov I.S. (2014) Bytovoe obsluzhivanie naseleniia Vladimirsogo kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) [Everyday services of the inhabitants of Vladimir region during the Great Patriotic war (1941–1945)], *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, no. 2, pp. 90–99.
- Volkova E.Iu., Volkov G.Iu. (2020) Bytovye problemy zhitelei tylovykh regionov Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Domestic problems of residents of the rear regions of Russia during World War II], *Vestnik of Kostroma State University*, no. 2, pp. 97–103. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103

Сведения об авторе:

СОКОЛОВА Анна Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: annadsokolova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anna D. Sokolova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: annadsokolova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12 октября 2021 г.;
принята к публикации 1 апреля 2022 г.*

*The article was submitted 12.10.2021;
accepted for publication 01.04.2022.*